

Евгений Максимов

Ева

Евгений Максимов

Ева

«Автор»

2026

Максимов Е.

Ева / Е. Максимов — «Автор», 2026

Иркутск, конец девяностых. Город, где выживают, а не живут. Ева — учительница музыки и мать-одиночка. Она давно забыла, что значит петь для себя. Но однажды приходит в полузаброшенный недострой, где репетирует молодая панк-группа. И остаётся. Сцена, шум, свобода. А вместе с ними — долги, бандиты, милиция и человек, который когда-то разрушил её семью. Пока группа готовится к первому концерту, вокруг сжимается кольцо. Чтобы выжить, Еве придётся не просто петь. Ей придётся говорить. «Ева» — история о матери, которая не сломалась. О девушке, которая запела. И о людях, которые не бросили.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Максимов

Ева

Глава 1

Тётя Тома стояла в дверях, вытирая руки о передник. От неё пахло жареным луком и хозяйственным мылом.

— Ну и куда ты, на ночь глядя? — спросила она, вглядываясь в темноту лестничной клетки.

Ева поправила воротник старого пальто.

— К знакомым. Ненадолго.

Ангелина выглянула из-за тёткиной юбки. Маленькая, сонная, с куклой в одной руке.

— Мам, а ты скоро?

— Скоро. Веди себя хорошо.

Ева наклонилась, поцеловала дочь в макушку. Пахло детским шампунем и теплом.

— Иди спать. Я приду — не увидишь.

Тётя Тома поджала губы.

— Опять эта твоя музыка?

Ева не ответила.

Дверь закрылась. В подъезде пахло сырой штукатуркой и кошками. Ева спустилась на три ступеньки и на секунду остановилась. Прислушалась. Тихо.

На улице было холодно. Иркутск дышал в спину осенней промозглостью. Дворы стояли тёмные, с редкими жёлтыми окнами. Где-то орала пьяная компания, и звук бился между панельными домами, как неприкаянный.

Ева пошла быстро. Мимо старой детской площадки, мимо ржавых гаражей. Каблуки стучали по асфальту. Она не любила этот район после восьми вечера. Но выбора не было: репетировали поздно, потому что Дэн работал ночами.

У гаражей стояла машина.

Тёмная «девятка», погашенные фары. Водитель сидел неподвижно.

Ева не сразу заметила. А когда заметила — сбилась с шага.

Машина стояла у выезда со двора, почти на её пути. Двигатель не работал. В салоне — один человек.

Ева не стала всматриваться. Перешла на другую сторону. Запахнула пальто. Сказала себе: просто ждёт кого-то.

Машина тронулась тихо, с выключенными огнями.

Ева ускорила шаг.

У самого конца двора обернулась.

«Девятка» выкатилась следом.

Ева свернула в проулок, потом ещё раз. Сердце стучало в горле. Она почти побежала. Машина отстала. Или просто свернула в другую сторону.

Ева остановилась у забора. Перевела дыхание.

Показалось.

Стройка встретила её запахом мокрого бетона и ржавого железа. В недостроенном корпусе горел один тусклый фонарь. Откуда-то сверху доносился стук барабанных палочек.

— О, явилась, — хмыкнул Дэн, когда она поднялась. — А мы уж думали, сбежала.

— Ещё не сбежала, — сказала Ева.

Костя стоял у окна, настраивал гитару. Обернулся. Кивнул коротко.

— Ну что, знакомьтесь, — сказал он. — Это Ева.
Алекс перестал крутить палочку. Смерил её взглядом.
— И где ты такую нашёл?
— Во дворе, — спокойно ответил Костя.
— По виду — из музыкалки, — усмехнулся Дэн. — У нас тут не филармония.
Ева сняла пальто. Сложила на старый ящик.
— Я знаю.
— А петь-то умеешь? — Алекс откинулся на стуле.
— Давай проверим, — сказал Костя.
Он протянул ей микрофон. Провод тянулся через весь пол, к старому усилителю.
Ева взяла. Пальцы были ледяные. Она посмотрела на ребят. Три пары глаз. Уставших, настороженных, чужих.
Костя ударил по струнам. Первые аккорды. Грубо, быстро.
Ева вдохнула.
И запела.
Голос пошёл низко, неожиданно сильно. Он заполнил пустой проём, отскочил от бетонных стен.
Алекс замер.
Дэн перестал улыбаться.
Ева закрыла глаза. Она пела не для них. Она пела так, как не пела уже очень давно.
Когда всё стихло, в воздухе ещё звенело напряжение.
— Ну хуже точно не будет, — сказал Алекс.
Костя улыбнулся.
— Лучше, Алёш. Уже лучше.
После репетиции все вышли на улицу. Дэн свернул в сторону стройки, где ночевал. Алекс закурил и ушёл, не прощаясь.
Костя и Ева остались вдвоём.
— Провожу, — сказал он.
— Не надо.
— Надо.
Они шли молча. Ветер гонял по асфальту обёртки. Пахло дымом и мокрыми листьями.
— Почему ты не выступала раньше? — спросил Костя.
— Жизнь не давала.
— А теперь дала?
Ева усмехнулась.
— Теперь я сама взяла.
Костя покосился на неё.
— Мне нравится, как ты поёшь.
— Спасибо.
У её дома они остановились.
— Ну вот, — сказала Ева.
— Ага.
Он не уходил. Просто стоял, засунув руки в карманы.
— Завтра в восемь, — сказал он.
— Приду.
Костя кивнул и пошёл.
Ева повернулась к подъезду.
У соседнего дома, метрах в тридцати, снова стояла тёмная «девятка».
Фары погашены.

Водитель сидел неподвижно.

Ева замерла.

Машина не тронулась. Просто стояла.

Она вошла в подъезд. Поднялась на свой этаж. Долго возилась с замком, хотя руки не дрожали.

В квартире было тихо. Ангелина спала у тётки Томи.

Ева подошла к окну.

«Девятка» медленно выехала со двора. Без фар. Без звука.

Ева стояла и смотрела в темноту, пока на улице не стало совсем пусто.

Глава 2

Ева проснулась оттого, что в квартире было слишком тихо.

Она полежала с открытыми глазами, прислушиваясь. За стеной не гремела посуда. В комнате не стучали маленькие пятки. Ангелина ночевала у тёти Томи.

За окном стоял серый иркутский рассвет. Моросил дождь. Капли стекали по стеклу, размывая очертания дома напротив. Где-то во дворе хлопнула дверь. Лаяла собака.

Ева поднялась. Включила чайник. Встала у окна, обхватив кружку ладонями.

Сегодня ей было страшнее, чем вчера.

Вчера всё происходило быстро: репетиция, голос, Костя. Она не успела испугаться. Сегодня страх вернулся.

Она думала о машине. О человеке, который сидел в темноте. О том, как он смотрел. Ковриков.

Имя было чужим, колючим. Она впервые услышала его от Кости, но ей казалось, что она знала его всегда.

Отец не любил говорить о таких людях. Он вообще мало говорил в последние годы. Когда приходили оперативники, он выгонял её в другую комнату и плотно закрывал дверь.

Однажды он не вернулся.

Ева допила чай. Одевалась быстро.

Сегодня был вторник. Уроки, кружок, вечером — стройка.

Обычный день. Если не считать того, что теперь в нём была музыка.

В школе пахло мокрыми тряпками и казённой краской.

Ева вела первый урок у младших. Дети шумели, ёрзали, роняли карандаши. Она поправила им пальцы на клавишах, хвалила, одёргивала. Всё как всегда.

На перемене её перехватила завуч.

— Ева Сергеевна, можно?

Завуч была сухая, как старый учебник. Голос тихий, но цепкий.

— Я вас слушаю.

— Зайдите после пятого урока. По кружку вопросы.

Ева кивнула.

Ничего хорошего такие вызовы не сулили.

После уроков она ждала в учительской. Мимо сновали преподаватели. Пахло чернилами и дешёвым табаком. В углу шуршал принтер.

Завуч вошла, села напротив, сложила руки.

— Родители жалуются, что вы разрешаете детям петь на кружке.

— Это юное творчество.

— Творчество — это одно. А панк-рок — другое.

Ева спокойно посмотрела на неё.

— Дети поют народные песни. И пару советских. Я не пою с ними панк-рок.

— Но сами вы, говорят, поёте.

Ева не отвела взгляд.

— Пою. В свободное время.

Завуч поджала губы.

— Свободное время лучше посвящать дочери.

Ева поднялась.

— Я заканчиваю кружок и иду к дочери. Если вопросов больше нет.

Завуч промолчала.

Ева вышла.

В коридоре было пусто. Лампы гудели. Она сжала сумку и быстро пошла к выходу. Осень встретила её сыростью и ветром.

До тёти Тома Ева зашла сразу после школы.

Ангелина сидела на полу и рисовала. Увидев мать, вскочила, бросилась к ней.

— Мам, а ты чего днём?

— Сегодня пораньше.

— Останешься?

Ева обняла дочь.

— Немного.

Тётя Тома вышла из кухни. Руки в муке.

— Есть будешь?

— Нет. Спасибо.

— Ну-ну. На одном воздухе держишься.

Ева не ответила.

Она села с Ангелиной на диван. Дочь показывала рисунок: домик, дерево, жёлтое солнце. Всё как положено. Кроме одного.

— А это кто? — спросила Ева, указывая на тёмную фигуру в углу листа.

— Дядя.

— Какой дядя?

Ангелина пожала плечами.

— Который смотрит.

Ева похолодела.

— Где ты его видела?

— На улице. Вчера.

Тётя Тома ничего не заметила. Стучала на кухне тарелками.

Ева прижала дочь к себе.

— Не гуляй одна. Поняла?

— Поняла.

— Даже во дворе.

— Даже во дворе.

Девочка снова взяла карандаш.

Ева сидела неподвижно.

Рисунок лежал на столе. Тёмная фигура в углу. Без лица.

Вечером Ева снова шла на стройку.

Дождь перестал. Под ногами чавкала грязь. Ветер гнул голые ветки. В окнах горели редкие огни.

Она шла быстро. Не оглядывалась.

«Девятки» не было.

У стройки горел костёр. Ребята сидели у входа. Костя первый заметил Еву. Поднялся.

— Пришла.

— Да.

Дэн кивнул. Алекс хмуро смотрел в огонь.

Внутри было холодно. Пахло бетоном, дымом и железом. Усилитель прогрелся, загудел.

Начали с разогрева. Алекс бил по установке вяло, но постепенно разошёлся. Дэн прыгал у стены. Костя играл жёстко, собранно.

Ева пела.

Сегодня голос звучал иначе — злее. Она вкладывала в него страх и злость. Ребята это почувствовали.

После третьей песни Алекс остановился.

— Ты чего такая? — спросил он.

— Какая?

— Злая.

Ева усмехнулась.

— В школе достали.

— Ты это... берегись, — сказал Дэн. — С нашей музыкой долго не протянешь.

— Посмотрим.

Костя молчал. Смотрел на неё.

После репетиции они снова остались вдвоём.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Нет. Всё как обычно.

— Врёшь.

Ева помолчала.

— Ангелина нарисовала человека. Сказала, он смотрел за ней.

Костя нахмурился.

— Где?

— На улице. Вчера.

Он вытер руки тряпкой.

— Ковриков, — сказал он.

— Думаешь?

— Больше некому.

Ева покачала головой.

— Что ему нужно?

— Не знаю. Но он не просто так крутится.

Снизу слышались шаги.

Костя напрягся.

На стройку поднялся мужчина в кожаном плаще.

Ковриков.

Он остановился на площадке, сунул руки в карманы. Глаза — тёмные, цепкие. Улыбка — без тепла.

— Репетируете? — спросил он.

— Уже закончили, — ответил Костя.

— А я послушать хотел.

Он прошёл внутрь. Остановился напротив Евы.

— Это вы, значит, новая солистка.

Ева не ответила.

— А я вашего отца знал, — сказал Ковриков. — Хороший был мужчина. Жаль, что так вышло.

Он говорил спокойно. Даже сочувственно. Но Ева чувствовала, как внутри всё сжимается.

— Я не знаю, о чём вы.

— Ну как же, — Ковриков улыбнулся. — Он ведь умер у меня на глазах.

Тишина.

Дэн и Алекс замерли. Костя сделал шаг вперёд.

— Вали отсюда, — негромко сказал он.

Ковриков даже не посмотрел на него.

— Не груби, мальчик. Я к вам по-хорошему. Пока.

Он перевёл взгляд на Еву.

— Не советую тебе здесь петь. Не твоё место.

Он развернулся и ушёл.
Ева стояла как вкопанная.
Костя тронул её за локоть.
— Ева.
— Я в порядке.
— Это не в порядке.
Она посмотрела на него.
— Он про отца. Что он знает?
— Не знаю. Но мы выясним.
Снизу хлопнула дверца машины.
«Девятка» уехала тихо, с выключенными фарами.
Ева смотрела в темноту.
Теперь она знала точно: он не остановится.

Глава 3

Утром Ева снова шла в школу.

Дождь кончился, но город оставался серым. Вода стояла в выбоинах асфальта. У ларька толкались хмурые мужики. Ветер гнал вдоль дороги мокрый мусор.

Ева шагала быстро, глядя перед собой. Она больше не оборачивалась. Не хотела видеть. Но спиной чувствовала взгляд.

Ей казалось, что он повсюду: из проезжающих машин, из тёмных окон, из-за гаражей. Она понимала, что это может быть просто нервы. Но легче от этого не становилось.

У школьного крыльца курили старшеклассники. Они замолчали, когда Ева прошла мимо.

Она знала: в маленькой школе новости разносятся быстро. Про её пение, про панк-группу, про вчерашний вызов к завучу. Здесь всё было слышно.

На первом этаже её остановила гардеробщица — пожилая женщина с вечно недовольным лицом.

— Ева Сергеевна, к вам мужчина заходил.

Ева сжала сумку.

— Какой мужчина?

— В плаще кожаном. Спрашивал, где вы.

— Что вы сказали?

— Ничего. Сказала, ещё не пришли.

Ева кивнула.

— Спасибо.

Женщина не сводила с неё глаз.

— Что-то он мне не понравился, — тихо добавила она.

— Мне тоже.

Ева поднялась в учительскую. Села за свой стол. Руки были ледяные.

Ковриков приходил в школу. Теперь он знал, где она работает. Знал, где искать.

Она смотрела на расписание уроков и не видела ни одной строчки.

После второго урока Ева не выдержала. Вышла на улицу. Дошла до телефонной будки у входа в парк.

Костя дал ей номер — «только если что-то срочное».

Это было срочно.

Гудки шли долго.

— Алло, — наконец ответил он. Голос был хриплый, будто только проснулся.

— Это Ева.

— Что случилось?

— Ковриков был в школе.

Пауза.

— Что он хотел?

— Просто спрашивал. Но он теперь знает, где я.

Костя молчал.

— Алло, — повторила она.

— Слышу. Где ты сейчас?

— У школы. У будки.

— Иди на уроки. Не показывай страха.

— Костя, он не отстанет.

— Знаю. Поэтому сегодня встретимся до репетиции. У театра. Часа в шесть.

— Зачем?

— Есть один разговор. Приходи.

Ева прижала трубку к уху.

— Хорошо.

— И ещё, Ева.

— Да?

— Будь осторожна.

Она положила трубку. Постояла ещё с минуту, прислушиваясь к ветру.

Потом вернулась в школу.

Костя ждал у служебного входа в театр.

Он стоял, привалившись к стене, курил. Увидев Еву, выбросил сигарету.

— Пойдём, — сказал он.

Они свернули в узкий проход между театром и соседним домом. Пахло мокрой штукатуркой и голубями.

— Я говорил с одним человеком, — начал Костя. — Из тех, кто знает отца.

Ева резко остановилась.

— С кем?

— Неважно. Он сказал, что твой отец сел из-за Коврикова.

Ева смотрела на него.

— Я знаю.

— Знала?

— Догадывалась.

— А ещё он сказал, что Ковриков не успокоился. Ему нужно было, чтобы твой отец молчал. Теперь он боится, что можешь знать ты.

— Что знать?

— Не знаю. Но он не просто пугает. Он смотрит, с кем ты общаешься.

Ева прижала пальцы к вискам.

— Это из-за меня. Из-за группы.

— Брось. Это из-за него. Он гнилой.

— И что теперь?

Костя взял её за руку.

— Теперь мы держимся вместе. Не ходи одна. Не светись.

— А как же музыка?

— Музыка останется. Если мы будем умнее.

Они стояли в проходе. Где-то за стеной грохотали декорации — в театре шла подготовка к спектаклю.

Ева вдруг усмехнулась.

— Ты говоришь, как подпольщик.

Костя улыбнулся в ответ.

— Так время такое.

Он не выпустил её руку.

— Пойдём. До репетиции успеем чаю выпить.

— У меня денег нет.

— Зато у меня есть.

Они вышли из прохода. Ветер ударил в лицо. Ева прижалась к Косте. Так было теплее.

В маленькой закускойной на углу пахло жареным хлебом и дешёвым чаем. Народу было мало. Двое рабочих ели пельмени. У окна сидела старуха с пакетом.

Костя взял два стакана чая и булку.

— Это вся романтика? — спросила Ева.

— Какая есть.

Они сели у окна. За стеклом шли люди — серые, быстрые, занятые своими бедами.

— Почему ты пошёл в панк? — спросила Ева.

— А куда ещё идти?

— Ну, можно было в театр.

— Я в театре. С той стороны.

— Ты понимаешь, о чём я.

Костя размешал сахар.

— Панк — это честно. Без декораций. Три аккорда и злость.

— А без злости нельзя?

— Без злости — это эстрада.

Ева улыбнулась.

— Ты странный.

— Все мы странные. Иначе бы не сидели тут.

Она посмотрела на него серьёзно.

— Я хочу петь, Костя. По-настоящему.

— Будешь.

— А если не дадут?

— А кто спросит?

Она хотела что-то сказать, но промолчала.

Костя накрыл её ладонь своей.

— Всё будет. Главное — не сломайся.

Ева не ответила. Только сжала его пальцы.

На репетиции было шумно.

Алекс пришёл взвинченный. С порога швырнул сумку в угол.

— Что опять? — спросил Дэн.

— Ничего.

— Ну да.

— Сказал, ничего.

Костя посмотрел на него.

— Играешь или уходишь?

Алекс сел за установку. Палочки стучали по ободу — нервно, сбивчиво.

Ева заметила у него на руке свежую ссадину.

— Где разбил? — спросила она.

— Об косяк.

— Похоже.

Алекс зло посмотрел на неё.

— Не твоё дело.

— Не моё.

Она отошла.

Начали играть. Но выходило плохо. Алекс путал ритм. Дэн раздражался. Костя всё чаще останавливал.

Ева пела, но голос был зажатый. Слова цеплялись за горло.

— Стоп, — сказал Костя. — Всё, на сегодня хватит.

— Отлично, — бросил Алекс. Встал.

— Сядь.

— Чего?

— Сядь, я сказал.

Алекс замер.

— Ты что-то скрываешь. Говори.

— Ничего я не скрываю.

— Ты бледный, психуешь, врёшь про руку. Что происходит?

Все затихли.

Алекс посмотрел на Еву. Потом на Костю. Потом в пол.

— Долг у меня.

— Кому?

— Людям.

— Каким?

Алекс молчал.

— Ну?!

— Да не знаю я! Братва какая-то. Дали наличку на дело. Я влез.

— Что за дело?

— Не спрашивай.

Костя подошёл вплотную.

— Если втянешь нас — я тебя сам урою.

Алекс смотрел на него. Губы дрожали.

— Я не хотел, Кот. Просто попал.

— Сколько?

— Много.

— Сколько?

Алекс назвал сумму. Дэн присвистнул.

Ева закрыла глаза.

Это было больше, чем они могли заработать за полгода.

Костя отошёл к окну. Стоял спиной.

— Мы что-нибудь придумаем, — негромко сказал он.

— Что тут думать? — хмыкнул Дэн. — Тут бежать надо.

— Бежать некуда.

Алекс сидел, опустив голову.

Ева смотрела на него.

В этот момент она впервые поняла: беда пришла не только в её жизнь. Она уже была здесь. В этой комнате. В этих людях.

Снизу, от костра, раздался свист.

Костя насторожился.

— Кто там?

Дэн глянул в проём.

— Да вроде никого.

— Я слышал.

Свист повторился. Длинный, чужой.

Алекс поднял голову. Лицо его побелело.

— Это по мою душу, — сказал он.

— Что?

— Я ждал их. Только не сегодня.

Костя схватил гитару за гриф.

— Что за люди?

— Те, кому я должен.

— Они знают, где мы?

— Теперь знают.

Внизу хлопнули дверцы машин.

Ева подошла к краю площадки.

Внизу, у костра, стояли трое. Один — широкий, в кожаной куртке. Двое — по бокам. Тот, что в куртке, поднял голову.

— Алёша! — крикнул он. — Выходи, поговорим!

Алекс не шевелился.

Костя посмотрел на него.

— Иди вниз. Мы рядом.

— Не надо. Я сам.

Алекс поднялся. На ватных ногах пошёл к лестнице.

Ева смотрела ему вслед.

Ей стало по-настоящему страшно.

Алекс спускался медленно.

Каждый шаг отдавался в бетонных плитах. Пахло сыростью и костром. Внизу ждали.

Костя стоял у лестницы. Он не пошёл за Алексом сразу, даже с места не сдвинулся. В руке — гриф гитары. Пальцы побелели.

— Что думаешь? — тихо спросил Дэн.

— Ничего хорошего.

— Может, валить?

— Тогда его заберут.

— И что?

— И то.

Ева смотрела вниз. Трое стояли у костра. Тот, что пошире, подкидывал палкой угли.

Лицо его было спокойное, даже скучающее.

Алекс вышел к ним. Остановился метрах в трёх.

— Явился, — сказал широкий. — А мы уж думали, бегать начал.

— Я не бегаяю.

— Ну да. Поэтому и пришлось к тебе ехать.

— Я всё отдам.

— Когда?

— Скоро.

Широкий улыбнулся.

— Ты в прошлый раз тоже говорил «скоро».

Он сделал шаг вперёд.

— Мы ждали. А ты, Алёша, не пришёл. Даже не позвонил.

— Телефона нет.

— Телефона нет, а на пиво есть.

Алекс не ответил.

Один из тех, что стоял сбоку, сплюнул.

— Короче, неси бабки. Или мы тут всё по брёвнышку разберём.

— Не надо ничего трогать, — глухо сказал Алекс.

— Тогда плати.

Тишина.

Сверху слышался голос Кости:

— Сколько он должен?

Широкий поднял голову.

— А ты кто?

— Друг.

— Ну, друг, тогда слушай сюда. Сумму знаешь?

— Знаю.

— Вот и помоги. А то и тебе достанется.

Костя спустился на несколько ступеней.

— Деньги будут. Через три дня.

Алекс резко обернулся.

— Ты что?!

— Молчи, — оборвал его Костя.

Широкий смотрел на Костю с интересом.

— Три дня — это хорошо. Только с процентами.

— Какие проценты?

— Обычные. Пока ты ходил, капало.

Костя сжал губы.

— Сколько.

Широкий назвал сумму. Она была почти вдвое больше той, что был должен Алекс.

Дэн выругался.

Ева похолодела.

— Хорошо, — сказал Костя.

— Вот и ладненько, — улыбнулся широкий. — Значит, через три дня, на этом же месте.

Он посмотрел на Алекса.

— А ты, Алёша, запомни: ещё раз пропадёшь — найдём. Ты у нас теперь на виду.

Они ушли не сразу. Постояли ещё, покурили. О чём-то негромко переговаривались.

Потом сели в машину и уехали.

Алекс остался стоять у костра.

— Ты с ума сошёл? — Дэн налетел на Костю, как только они поднялись. — Где мы за три дня столько возьмём?

— Найдём.

— Где?! У тебя что, заначка?

— Нет.

— Тогда как?!

Костя молчал.

Ева стояла у стены, обхватив себя руками. Ей было холодно, хотя в помещении горел свет и от костра внизу поднималось тепло.

— Это же не только его долг, — сказала она.

Все посмотрели на неё.

— Это и наша проблема. Они теперь знают, где мы репетируем.

— Вот именно, — кивнул Дэн. — А через три дня приедут снова.

Алекс сидел на ящике, обхватив голову.

— Я виноват, — глухо сказал он.

— Знаем, — отрезал Дэн.

— Хватит, — спокойно сказал Костя. — Виноват — не виноват. Надо решать.

— Как? — Дэн развёл руками. — За три дня столько не найти.

Костя отошёл к окну. Постоял, глядя вниз, где всё ещё тлел костёр.

— Есть вариант.

— Ну?

— Заработать.

— Чем? Играть на свадьбах?

— Почти.

Костя повернулся.

— Нам предлагали выступление. В одном клубе. Платят неплохо.

— И что? — не понял Дэн. — Мы не готовы.

— Готовы. Песни есть. Ева поёт. Мы играем.

Дэн фыркнул.

— Мы играем на дровах. Это позор.

— Вот именно.

Костя прошёлся по помещению.

— Чтобы выйти на сцену, нам нужен нормальный аппарат. Гитары, комбики, барабаны.

Не это железо.

— И где его взять? — спросила Ева.

— В аренду.

— У кого?

— У местных. Они дают технику под залог.

Дэн напрягся.

— Что за люди?

— Дельцы. Не бандиты, но мутные. Техника у них есть. Можно договориться.

— И что они хотят?

— Залог. Деньги.

— У нас нет денег, — сказала Ева.

Костя помолчал.

— У меня есть квартира.

Тишина повисла в комнате. Алекс поднял голову.

— Ты что? — тихо спросил он.

— Однокомнатная. В центре. Её можно оформить как залог.

— Кому? Этим дельцам? — Дэн не верил своим ушам.

— Им.

— А если не отдашь?

— Отдам.

— А если нет?

Костя посмотрел на него спокойно.

— Значит, отдадим. По-другому никак.

Ева встала.

— Это неправильно.

— Это решение.

— Ты не должен отвечать за него своей квартирой.

— А кто должен?

Она не ответила.

Костя кивнул в сторону Алекса.

— Ты видела, что было внизу. Через три дня они приедут снова. И приедут уже не одни.

— Ты так спокойно об этом говоришь, — сказала Ева.

— Потому что паниковать поздно.

Он подошёл к ней ближе.

— Если мы не заработаем сейчас — нас просто не станет. Не будет ни группы, ни долга, ни нас. Понимаешь?

Ева смотрела на него.

— Понимаю. Но квартира...

— Квартира — это просто стены. А вы — живые.

Алекс отвернулся. Плечи у него дрожали.

Дэн молчал, переваривая.

— И когда выступление? — спросил он наконец.

— Через неделю.

— Мы не успеем.

— Успеем. Если начнём завтра.

— А если не заплатят?

— Заплатят. Люди серьёзные.

— Ну да, — усмехнулся Дэн. — Все серьёзные.

Костя не ответил.

Ева села на край ящика.

— А где взять инструменты прямо сейчас?

— Завтра поеду договариваться.

— Я с тобой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что туда лучше не соваться лишний раз.

— А ты?

— А я подписываю.

Она посмотрела на него.

— Ты понимаешь, что рискуешь?

— Понимаю.

— И всё равно пойдёшь?

— Пойду.

Еве не нашлось, что сказать.

Она смотрела на него и не могла понять: он храбрый или у него просто не осталось ничего, что можно потерять.

Домой Ева шла одна.

Костя предлагал проводить, но она отказалась. Ей нужно было подумать.

Вечерний Иркутск был тихим и мокрым. Фонари горели через один. В подворотнях стояла темень.

Она шла быстро. Пальто было лёгким, ветер пробирал до костей.

Перед глазами стояло лицо Алекса — растерянное, виноватое. И лицо Кости — собранное, будто он уже принял решение.

Она злилась. На Алекса. На Костю. На себя.

На себя — за то, что не ушла. Не отказалась. Не забрала дочь и не спряталась у тёти Томи.

Но она не ушла.

Потому что впервые за долгое время ей было с кем.

У подъезда её ждали.

Ева поняла это не сразу. Просто увидела силуэт у двери. Мужчина стоял, привалившись к стене. Курил.

Она остановилась.

— Не бойтесь, — сказал мужчина. — Я по делу.

Голос был негромкий, но не бандитский. Ева не подошла.

— Кто вы?

— Я от Седого.

Она не поняла.

— От кого?

— Седой. Бывший знакомый вашего отца.

Ева сжала сумку.

— Я не знаю никакого Седого.

— Он вас знает. И хочет помочь.

— Помочь в чём?

Мужчина огляделся.

— Поговорить надо. Только не здесь.

— Я с незнакомыми не разговариваю.

— Правильно. Я бы тоже не стал.

Он бросил окурок, затоптал.

— Завтра, в шесть, у рынка. Там, где старая шашлычная. Спросите Седого. Или не приходите. Дело ваше.

Он развернулся и ушёл.

Ева стояла, не шевелясь.

У рынка. Старая шашлычная. Седой.

Она не знала, что делать. Но что-то внутри подсказывало: этот человек знает про отца больше, чем она сама.

Ева поднялась в квартиру. Закрыла дверь. Щёлкнула замком.

В окно было видно, как мужчина вышел со двора и сел в старый «москвич».

Машина уехала тихо, без фар.

Ева долго сидела на кухне. Свет не включала.

На столе лежала раскраска Ангелины. На ней — домик, дерево и тёмная фигура в углу.

Теперь она знала: эта фигура — не выдумка.

Она существует.

И у неё есть имя.

Глава 4

На следующий день Ева не пошла в школу.

Она позвонила из будки и сказалась больной. Голос у неё был сиплый и завуч, к её удивлению, не стала спорить. Наверное, после их последнего разговора не хотела лишний раз слышать её.

Ева вернулась домой. Села на кухню. Налила чай. Руки не дрожали, но внутри было беспокойно.

Она думала о вчерашнем.

О том, как Костя сказал про квартиру. Как Алекс сидел, опустив голову. Как ушёл Ковриков. И как мужчина у подъезда произнёс имя отца.

Седой.

Она не знала этого человека. Но отец однажды обмолвился за столом: «Есть у меня один знакомый. Седой. Станный, но не гнилой». Тогда Ева не придала значения. Теперь это слово всплыло, как камень из-под воды.

Она подошла к окну. Во дворе было пусто. Только старуха кормила голубей у помойки.

Ева решила идти.

К рынку она вышла загодя.

Иркутский рынок жил своей жизнью даже осенью. Ряды были полупустые, но люди всё равно шли. Пахло гнилыми овощами, мокрыми мешками и дешёвым табаком. Кричали торговки. Грузчики катили тележки, матерясь сквозь зубы.

Ева шла медленно, оглядываясь.

Шашлычная оказалась в стороне от центральных рядов — приземистое здание с облезлой вывеской. Окна тёмные. Вход — железная дверь, обитая дерматином.

У двери стоял вчерашний мужчина. Курил.

— Пришла, — сказал он, не удивившись.

— Где Седой?

— Внутри. Проходи.

Он открыл перед ней дверь.

Внутри было темно. Пахло уксусом, луком и старым жиром. Зал был пустой — только пара столов у стены. На одном — пепельница, бутылка воды и чей-то стакан.

За дальним столом сидел мужчина.

Ева сразу поняла, что это он.

Седой был старше, чем она ожидала. Лет под шестьдесят. Худой, с морщинистым лицом и коротким ёжиком седых волос. Одет в тёмный свитер и старую куртку. Взгляд — внимательный, спокойный, без угрозы.

— Здравствуй Ева, — сказал он.

— Здравствуйте.

— Садись.

Она села напротив.

Мужчина, что привёл её, остался у входа. Сел на табурет, отвернулся к окну.

— Не бойся, — сказал Седой. — Я не кусаюсь.

— Я не боюсь.

— Это хорошо. Только зря.

Он внимательно смотрел на неё.

— Похожа на мать. И на отца.

— Вы его знали?

— Знал.

— Откуда?
— Сидели вместе.
Ева сжала руки под столом.
— За что?
— Это у нас много всего. Сейчас не обо мне.
Он пододвинул к ней стакан.
— Хочешь воды?
— Нет.
— Правильно. Тут и вода-то — не вода.
Седой откинулся на стуле.
— Я знаю, что за тобой ходит Ковриков.
Ева не ответила.
— Он и за мной ходил. И за отцом твоим ходил. Это у него привычка такая.
— Что ему нужно?
— Власть. Деньги. Столица.
— При чём здесь я?
Седой прищурился.
— А при том, что ты — дочь своего отца. А отец твой знал то, что Ковриков очень хотел забыть.
— Что именно?
— Не сейчас. Рано.
— Тогда зачем вы меня позвали?
Седой побарабанил пальцами по столу.
— Чтобы ты знала: ты не одна. И чтобы была осторожна.
Ева усмехнулась.
— Это я уже слышала.
— От кого?
— От друзей.
— Значит, у тебя есть друзья. Уже хорошо.
Он посмотрел на неё прищурясь.
— Ковриков не тронет тебя сразу. Он сначала сломает то, что тебе дорого.
— Что вы имеете в виду?
— Дочку. Подруг. Твою музыку.
Ева почувствовала, как внутри всё похолодело.
— Откуда вы знаете про дочь?
— Я много чего знаю. Потому и сижу тут, а не хожу по улицам.
Он наклонился вперёд.
— Твой отец был не виноват. Его подставили. Я видел, как это было. И если я выйду в суд — Коврикову конец.
— Почему же не выйдете?
— Боюсь. И умирать не хочу.
— А сейчас?
Седой молчал.
— Сейчас я смотрю на тебя и понимаю: он не успокоится. Если не остановить — сожрёт и тебя, и девчонку.
Ева не ответила.
— Поэтому я подумал, — продолжил Седой, — может, пришло время.
— Время чего?
— Говорить.

Он взял стакан, сделал глоток.
— Только это не просто. Мне нужны гарантии.
— Какие?
— Адвокат. И чтобы я не сдох до суда.
Ева смотрела на него.
— У меня нет адвоката.
— У тебя нет. А у людей, с которыми ты поёшь, могут быть.
— Это простые ребята.
— В наше время простых не бывает.
Седой поднялся.
— Иди. Подумай. Если надумаешь — я сам тебя найду.
Ева встала.
— Почему вы помогаете мне?
Седой посмотрел ей прямо в глаза.
— Потому что я должен твоему отцу.
Он кивнул мужчине у двери.
— Проводи.
Ева вышла на улицу. Ветер был колючий. Она остановилась у стены, перевела дыхание.
Сзади тихо скрипнула дверь.
— Не оборачивайся, — сказал Седой. — Просто слушай.
Ева замерла.
— Ковриков знает, что ты была у меня. Не спрашивай откуда. Просто знай: теперь он будет злее.
— Что мне делать?
— Держись тех, кому веришь. И не оставляй дочь одну.
Дверь закрылась.
Ева постояла ещё. Потом медленно пошла прочь.
До тёти Томы она добралась за полчаса.
Ангелина играла в комнате. Увидела мать — побежала обнимать.
— Мам, ты почему не на работе?
— Заболела.
— Ты же не болеешь!
— Немного.
Ева прижала дочь к себе.
— Слушай меня внимательно.
Ангелина подняла глаза.
— Не уходи одна. Ни с кем не разговаривай на улице. Даже если дядя.
— Дядя, который смотрит?
Ева замерла.
— Ты его видела?
— Да. Он вчера у дома стоял.
— Где?
— У ворот. Смотрел на меня.
Ева крепче сжала дочь.
— И что ты сделала?
— Показала язык.
Ева выдохнула. То ли смех, то ли слёзы.
— Больше так не делай.
— Почему?

— Просто не делай.

Она поцеловала Ангелину в лоб.

— Сегодня спишь у меня.

— А тётя Тома?

— Ничего. Побудет одна.

Вечером они сидели вдвоём на кухне. Ева чистила картошку. Ангелина рисовала.

— Мам, а у тебя есть друг?

— Есть.

— Он хороший?

— Да.

— А он нас защитит?

Ева посмотрела на дочь.

— Постарается.

— А от кого защищать?

Ева не ответила.

За окном снова шёл дождь. Капли стучали по подоконнику.

Она знала, что Седой прав. Ковриков не остановится.

И знала, что теперь ей не спрятаться.

Утром Ева отвела Ангелину к тёте Томе.

Девочка капризничала, не хотела отпускать мать. Цеплялась за руку, хмурила брови.

— Ты опять уйдёшь, — говорила она.

— Вернусь. Как всегда.

— А если не вернёшься?

Ева присела перед ней на корточки.

— Слушай меня. Я всегда возвращаюсь. Всегда.

Ангелина посмотрела на неё серьёзно. Потом кивнула.

— Ладно.

Тётя Тома стояла в дверях, поджав губы.

— Опять по своим делам?

— По делам.

— Уж не знаю, что у тебя за дела. Но девочка по тебе сохнет.

— Я знаю.

Ева поцеловала дочь и вышла.

На улице было зябко. Серый свет лежал на мокрых крышах. Люди шли быстро, спрятав лица в воротники.

Ева направилась к театру.

Костя должен был быть там. Он подрабатывал с утра — готовил сцену к дневному спектаклю. Ева не стала предупреждать. Просто пришла.

Служебный вход был открыт. Внутри пахло деревом, пылью и старым гримом. Где-то стучали молотки.

Она прошла по коридору и остановилась у сцены.

Костя стоял наверху, у софитов. Что-то подтягивал, закрепив за поясом верёвку. Увидел Еву — замер.

— Ты чего здесь?

— Поговорить надо.

— Подожди.

Он спустился через минуту. Вытер руки о рабочую куртку.

— Что случилось?

— Я была у Седого.

Костя посмотрел на неё внимательно.

— И как?

— Он сказал, что знает про Коврикова. И про отца.

— И что?

— Сказал, что готов говорить. Но ему нужны гарантии.

— Какие?

— Адвокат. И защита.

Костя хмыкнул.

— Адвокат и нам самим не помешал бы.

— Он считает, что у ребят могут быть связи.

— У нас? — Костя усмехнулся. — У нас только Дэн с его стройкой и Алекс с долгами.

— Но он же сказал.

— Сказать можно что угодно.

Ева покачала головой.

— Ты не понял. Он не просил денег. Он сам нас нашёл.

— Тем более странно.

Костя сел на край сцены. Ева осталась стоять.

— Он был в тюрьме с моим отцом. Говорит, что видел, как его подставили.

— Ковриков?

— Да.

— Это мы и так знали.

— Но у него могут быть доказательства.

Костя задумался.

— Доказательства — это хорошо. Только кто их предъявит? У нас нет адвоката. И в ментовку идти — самоубийство.

— А если найдём адвоката?

— Где?

— Не знаю. Но если Седой заговорит — Коврикова посадят. И он отстанет от нас.

Костя посмотрел на неё долго.

— Ты хоть понимаешь, чем это пахнет?

— Понимаю.

— Это не игра, Ева. Это война.

— Я уже в ней.

Они молчали.

Где-то за кулисами зазвонил телефон. Костя не двинулся.

— Ладно, — сказал он наконец. — Надо подумать.

— Думай быстрее. Ковриков уже знает, что я встречалась с Седым.

Костя нахмурился.

— Откуда?

— Седой сказал.

— И ты ему веришь?

— А зачем ему врать?

— Чтобы втянуть нас.

Ева усмехнулась.

— Нас уже втянули. Или ты забыл про долг?

Костя поднялся.

— Не забыл.

— Тогда решай.

Он взял её за плечи.

— Сначала инструменты. Потом выступление. Закроем долг. А потом разберёмся с твоим Седым.

— А если не успеем?

— Успеем.

— А если нет?

Костя прижал её к себе.

— Значит, придумаем что-то ещё.

Костя закончил работу в театре только к трём.

Они встретились у входа. Он был хмурый, уставший, но собранный.

— Пойдём, — сказал он.

— Куда?

— К арендодателям.

— Я с тобой.

— Нет.

— Я пойду.

Костя остановился.

— Это не прогулка, Ева.

— Я знаю.

— Там могут быть неприятные люди.

— Я уже видела неприятных.

Он посмотрел на неё. Потом усмехнулся.

— Ладно. Но держи рот на замке. Говорю я.

— Хорошо.

Они пошли через город.

Район, куда они направлялись, был старый, кривой. Дома обшарпанные, дворы глухие.

На воротах — ржавые замки. Кое-где выглядывали лица из-за занавесок.

Костя свернул во двор. В глубине — железная дверь с единственной лампочкой над ней.

Он постучал три раза.

Дверь открылась. Высокий парень со шрамом на подбородке оглядел их.

— Чего?

— К Толику. По технике.

— Ждите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.